МСЗ ГУТ, ПОЛИГОН КАПУТ

О. В. Шевелева

Ситуация с полигонами и строительством МСЗ в Московской области продолжает накаляться, а наш журнал обходит данную тематику молчанием. Почему? Прежде всего потому, что ситуация эта политическая, гражданская, искусственно созданная и имеющая мало отношения к технологиям, хотя именно к ним апеллируют противоборствующие стороны. Но в конце концов захотелось и мне сказать, что я обо всем этом думаю.

– Что вас более всего удивило в России?
– Состояние дорог. Моя машина попала в большую яму, и я не мог выехать. Но еще больше меня удивило, что тут же появились юные джентльмены, которые за умеренную плату вытащили мою машину из ямы. Более же всего меня удивило то, что юные джентльмены сами эту яму и выкопали...
Старый анекдот

Как специалист я выросла на Тимоховском полигоне, от которого я живу в шести километрах и который когда-то стал объектом № 1 для меня, юного специалиста районного отдела экологии. Потом, когда я ушла из органов власти в вольные стрелки-разработчики, в поле зрения оказалась вся ситуация с полигонами Московской области. Полигоны были паршивенькие, бесконечно возводимая (все выше и выше) дамба и обратная закачка фильтрата на Тимохово были, пожалуй, самыми крутыми технологиями, применяемыми в наших краях в данной сфере. Сначала, когда еще дули свежие ветра перестройки, верилось, что со временем полигоны будут окультурены, а скопившаяся на них масса отходов утилизирована (боже, какие наивные статьи я тогда писала!). С годами стало ясно, что никто не собирается делать ничего подобного; в лихие девяностые Родину продавали оптом и в розницу, и странно было бы, если бы в сфере обращения с отходами не все определялось длинным рублем. Рядом с полигоном Тимохово долго копали канавы – глубиной метров по восемь, длиной чуть ли не до горизонта; могучие насосы денно и нощно откачивали воду с извечно подтопленной тимоховской территории; официальной версией было строительство мусороперерабатывающего завода, но мне, специалисту уже средних лет, было ясно, что никакого завода не будет, а просто очень выгодно осуществлять цикл земляных работ, да еще на подтопленной территории. В обществе нарастал цинизм, но логика еще работала.

Впервые нарушение таковой мы, разработчики экологической документации, заметили где-то в конце нулевых годов текущего века (уже не вспомню точной даты): в наши руки попал некий список, подписанный руководством Ростехнадзора, в ту пору отвечавшего за экологию. Список включал в себя полигоны Московской области, подлежащие закрытию. Позднее нам рассказали историю его возникновения, не имевшую прямого отношения к охране природы; просто нужно было поставить на место владельцев полигонов, которые в те времена считались крутыми, очень крутыми ребятами. Помню эту немую сцену в коридоре, когда, глядя в этот список, каждый разработчик находил объекты, на которых размещали свои отходы его заказчики, и прикидывал: что же я им теперь скажу? Что посоветую? Мысль о том, что можно всерьез посоветовать руководителю серьезного предприятия (или, наоборот, крохотной живопырки) возить отходы за 50, 100 и более километров, в силу своей полной абсурдности в голову никому не приходила. Да и что бы ответил руководитель такому советчику? Что у того отъехала крыша и в его услугах здесь больше не нуждаются?

Следующая мысль была такая: как можно закрывать полигоны, не создав предварительно замещающих мощностей? Еще и тогда мы, казалось бы, прошедшие через все черные и серые схемы, продолжали верить, что государство спохватится, поймет, что территория без полигонов – это как квартира без унитаза, и начнет не закрывать полигоны, а приостанавливать их, реконструировать и вновь вводить в эксплуата-

СЗЗ – санитарно-защитная зона, которая устанавливается между источниками выбросов загрязняющих веществ (ЗВ) и объектами жилья или рекреации; она различна для разных видов объектов, и ее ширина должна быть достаточна для того, чтобы данный источник выбросов не создавал на территории жилья или рекреации концентраций какого-либо вещества, превышающих ПДК.

цию, но уже в безопасном виде. Ведь построить безопасный полигон не так уж трудно, надо просто включить голову и поменьше воровать.

Нет предела человеческой наивности. Никто и не собирался делать ничего подобного. Напротив, абсурдная ситуация продолжала нарастать. Интересно отметить, что за это время менялись надзорные органы, ответственные за обращение с отходами, менялись министры экологии, губернаторы и даже президенты страны, но ситуация с полигонами ни разу даже не попробовала сойти с этих неведомо кем предначертанных рельсов: закрыть все места размещения отходов, ничего не дав взамен. Тщетно общественники задавали вопросы: что же вы, господа, собираетесь делать с отходами? Расстелить их ровным слоем по всей Московской области? Вывезти в места не столь отдаленные? Забросить на Луну?

Поговорим о влиянии самих полигонов. Оно есть, безусловно. Но что касается меня лично, после того, как в 1990-е гг. в Старой Купавне навсегда отключили насосы, выкачивавшие пятно загрязнения из-под бывшего химфармкомбината, а заодно подтягивавшие в ту же гидродинамическую воронку грязь от полигона и от «очистных сооружений» свиноводческого совхоза (тоже бывшего), я регулярно (раз в год) отдавала на анализ нашу водопроводную воду. В ней обнаруживались загрязнения, но различить, из-под какого из трех упомянутых объектов они поступают, было невозможно. Таким образом, роль полигона в загрязнении подземных горизонтов была, как минимум, не больше, чем других источников загрязнения. Что касается воздуха, то к нам за 6 км запахи не доходили. Конечно, жители деревни Тимохово их ощущали, но, по свидетельству старосты деревни, высказанному недавно на заседании общественного совета в Ногинске, тогдашние запахи не идут ни в какое сравнение с тем кошмаром, в который погрузила деревню начавшаяся летом 2014 г. дегазация полигона. Ведь есть же хорошая народная пословица: не тронь, так оно и не воняет! Тронули. Завоняло.

Внимательный читатель на этом месте скажет: Шевелева, да ведь ты же сама писала хвалебную статью, в которой утверждала, что «построена камера сжигания, смонтированная в трубе высотой 11 м и диаметром более 1 м», и в этой камере будет сжигаться поступающий газ? Да, писала. Но очень скоро непередаваемый запах полигонных недр, легко преодолев расстояние 6 км, подсказал мне, что здесь что-то не так: то ли биогаз вовсе не сжигается; то ли сжигается плохо; то ли хорошо, но не весь… Главный инженер полигона сменился, другие сотрудники тоже, новые, незнакомые люди на вопросы не отвечали, просить об организации поездки было некого, а потом и директора полигона арестовали, открыв уголовное дело.

Буквально на днях я узнала, что та камера сжигания до сих пор официально не введена в эксплуатацию и состоявшиеся 25 апреля 2018 г. общественные слушания вовсе не про новый глобальный проект реконструкции крупнейшего российского полигона (как я наивно полагала); нет, это всего-навсего попытка узаконить тот самый проект первой очереди дегазации, проект, фактически давно реализованный. Оказывается, все эти годы при приближении надзорных органов камеру сжигания выключали (поскольку работа оборудования, не имеющего акта ввода в эксплуатацию, – это нарушение), а при появлении каких-либо общественно-депутатских делегаций включали (поскольку надо показать, что вот, мы сжигаем биогаз, а не стравливаем его в атмосферу). Теперь понятно, почему округу то накрывало вонью, то снова отпускало.

Справедливости ради нужно сказать, что в теплый сезон 2016 г. до нашей деревни запахов с полигона Тимохово уже не доходило (чего не могут сказать о себе не только жители д. Тимохово, но и жители г. Электростали, который находится с подветренной стороны от полигона).

Но следующим летом нас накрыла новая волна: началась дегазация полигона Кучино. Не буду пересказывать общеизвестные обстоятельства, при которых был закрыт данный полигон. Лучше перескажу вкратце содержание методики расчета выбросов биогаза от полигонов, а то, возможно, не все ее знают.

Специфика перегнивания отходов на полигонах такова: она происходит в уплотненном теле полигона, которое, возможно, в это время сверху продолжает перекрываться новыми слоями отходов. При хорошем уплотнении (а на больших и даже средних полигонах это так) процесс идет в условиях практического отсутствия кислорода, то есть является анаэробным. Скорость процесса зависит от доли органики и от температуры окружающей местности: чем теплее местность, тем быстрее идет процесс. Влажность считаем примерно постоянной величиной, у нас же не Америка, где образуются так называемые «сухие гробницы» – пересушенные полигоны, где процесс разложения органики останавливается вообще. В России же упомянутый анаэробный процесс достигает значимой величины через два года после того, как отходы были захоронены, а примерно через 20 лет затухает, так как за это время вся масса уже оказывается минерализованной. Биогаз находит поры и трещины, сочится потихоньку в атмосферу, а то и создает в теле полигона пузыри, этакие самостийные газохранилища, из которых он тоже, конечно, когда-нибудь утечет в атмосферу, но очень, очень медленно. За все время моей работы я не видела замера, который бы показал на границе СЗЗ полигона величину хоть одного какого-либо компонента биогаза, достигающую значения ПДК. Вонять начинает либо во время пожара (отдельная тема), либо когда в жару отходы не пересыпают вовремя грунтом не уплотняют и они подвергаются обычному аэробному процессу гниения. Это все, конечно, тоже неприятно, но никогда не достигает тех масштабов, которые мы видели (обоняли!) при дегазации полигона Кучино: невыносимый запах покрыл территорию, составляющую, по грубым арифметическим подсчетам, около 450 км^2, распространившись на запад (против ветра) в среднем на 6 км (до МКАД), а на восток (по ветру) – до Электроуглей (18 км по азимуту).

Кстати о ПДК: мне тут пришло в голову, что величина эта вовсе не абсолютна. Одно дело, если отдельно взятое предприятие создаст на границе СЗЗ

повышенную концентрацию какого-либо ЗВ и его при этом схватят за руку – взгреют так, что мало не покажется, оштрафуют, а то и вовсе приостановят деятельность, что для бизнеса смерти подобно. Если же осуществить залповый выброс биогаза с полигона (а проводимая на полигонах Тимохово и Кучино дегазация именно и представляла собой залповые выбросы) по приказу органов власти, то, наверно, и 10 ПДК будет совсем не вредно для окрестного населения. Если же ускоренное стравливание метана, содержащего во множестве сероводород, меркаптаны и другие высокоопасные вещества, производится по приказу самого высшего руководства, тогда, я думаю, и 100 ПДК – сущая ерунда. Давайте так и отразим в нормативно-правовых документах.

Сейчас речь идет о срочной дегазации полигонов Ядрово и Лесная. Предполагается применить новейшую голландскую технологию. Отлично, я верю, что она лучше прежних (хотя пресс-релизы печатаются по ней какие-то противоречивые). Интересно другое: а зачем такая спешка, почему вдруг понадобилась эта срочная дегазация, под какой такой проект? Особенно на Ядрово, где свежезавезенные отходы начнут массово выделять биогаз только через два года?

Ответ с первой полки: чтобы в дальнейшем не было выбросов биогаза. На это любой здравомыслящий человек ответит: лучше 0,8 ПДК в течение 20 лет, чем 80 ПДК в течение полугода. Ответ со второй полки: чтобы избежать возгораний на полигоне, ведь биогаз – это практически метан, горючий газ. Но есть более дешевые способы избежать возгораний. Так, на Тимохово уже лет двадцать не было никаких возгораний в силу примитивной и до обидного дешевой обратной закачки фильтрата на тело полигона.

Не хочу никого обидеть, но чем-то эта экстренная дегазация напоминает мне приснопамятные канавы близ полигона Тимохово.

Кстати, о Тимохово. Некий элемент новизны в новом-старом проекте его реконструкции есть: мощность полигона предполагается довести то ли до 1,5 млн т/год, то ли (по другим сведениям) до 1,45 млн т/год. Забавно отметить, что за реконструкцию полигона, служащую обоснованием для этого увеличения, успешно выдают запоздалое придание законного статуса давно реализованному небольшому проекту первой очереди дегазации. Этого достаточно, чтобы вполовину увеличить мощность полигона? Нет, я двумя руками за то, чтобы эту горелку узаконили, по крайней мере, не придется ее больше отключать при приближении надзорных органов и прекратятся вонючие «залпы». Но прямой связи с мощностью полигона я все же не вижу.

Надо сказать, что раньше номинальная мощность полигона была 1 млн т в год, другое дело, что фактически она никогда не выбиралась, потому что полигон этот был не из дешевых. Но теперь дешевых вариантов не остается, да и просто вариантов почти не остается. Если раньше мысль возить отходы за 50, 100 и более километров казалась дикой, то теперь это наша реальность. И окрестные регионы, тот же Владимир или Ярославль, готовящиеся держать оборону против московских отходов, вполне реалистично мыслят.

Собственно, я бы приветствовала реальную реконструкцию Тимохово, по крайней мере, этот полигон действительно способен принять большие объемы отходов в отличие от несчастного Ядрово, где на крохотный клочок 5 га (по другим сведениям, 10) неизвестно зачем в течение нескольких недель без соблюдения какой-либо технологии сбросили огромную массу отходов, не только накрыв округу ароматами, от которых, как говорят СМИ, люди падали в обморок, но и парализовав для окрестных населенных пунктов их систему мусороудаления, которая в противном случае прослужила бы еще не один год. Зачем же все это сделано? Глупость или злой умысел? Да что ж меня так и преследуют шкурные подозрения… Это, видимо, испорченность, приобретенная в лихие девяностые: везде мне мерещится неэффективное использование бюджетных денег. Может, никто и не собирался переваривать бюджет. Может, просто хотели показать обществу, какая плохая штука – полигоны, а вот МСЗ хорошие.

Да, я бы приветствовала реконструкцию Тимохово, если бы не намерение власти расположить здесь мусоросжигательный завод, который, поскольку надо мыслить позитивно, называют мусороперерабатывающим. Учитывая, что от моего дома до указанного завода всего 6 км, моя единственная недвижимость серьезно обесценивается, чтобы не сказать больше. Наши несознательные сограждане ни за что не заплатят нормальную цену за дом, расположенный в зоне влияния МСЗ. Солидарна ли я с ними? Конечно, да.

ПДК – предельно допустимая концентрация, устанавливаемая для каждого вещества Минздравом. При концентрации меньше ПДК наличие данного вещества в воздухе считается безопасным для человека.

Тут внимательный читатель должен воскликнуть: Шевелева, а не ты ли пела дифирамбы швейцарскому мусоросжиганию? Да, пела, и еще могу спеть. А чем хуже российское мусоросжигание? Да еще с использованием самых современных технологий?

Господа, мусоросжигание – вещь настолько глубоко профессиональная, что ни вы, ни я, ни другой человек доброй воли никогда не будет в состоянии оценить, правильно эксплуатируется такой завод или нет, даже если ему честно покажут все-все-все. Получается, что вопрос веры в безопасность мусоросжигания в конкретной стране – это именно вопрос веры. Точнее, вопрос доверия населения к источнику информации.

Я не буду повторять известные аргументы противников МСЗ – ни про фатальное отсутствие раздельного сбора (это отдельная тема, на которую ох как хочется поговорить!), ни про выгорание дефицитного в условиях московской агломерации кислорода, ни про непредставимо огромные потоки мусоровозов, съезжающихся в одну точку.

Поговорим лучше об источнике информации. Уже почти год, как нам в уши ежедневно вливают «МСЗ гут, полигон капут». При этом удивительным образом сравнивается дикий, эксплуатируемый вне всяких правил полигон с современным, идеально эксплуатируемым МСЗ. Друзья мои, а давайте наоборот! Идеальный полигон, на котором к тому же захораниваются только не подверженные гни-

ению «хвосты» после выборки всех видов полезных фракций, включая пищевые отходы, давайте сравнивать с устаревшим МСЗ, на котором подмухлевываются анализы отходящих газов.

Вы скажете: а кто видел в нашей стране идеальный полигон? И я отвечу: а кто увидит идеальный завод в стране, которая за все годы своего существования и полигона-то путного построить не смогла? Всего лишь полигона, все параметры которого легко контролируются визуально либо с помощью самого несложного оборудования.

Но я понимаю, что мои слова – это всего лишь слова. Ситуация с полигонами вовсе не развивается спонтанно, ее твердой рукой ведут на всех парах в тупик, где предусмотрительно разобрали рельсы. После этого начнется безальтернативное строительство МСЗ, так как другого выхода не останется.

А жизнь меж тем идет своим чередом. Буквально уже дописывая эти строки, я вдруг увидела на экране контекстную рекламу: утилизация отходов. Таких реклам приходит много, но в этой была интересная строчка: собственный полигон рядом с МКАД. Это где ж такой, подумала я, и принялась рассматривать экран внимательнее. Названия фирмы, предлагающей услуги, не обнаружилось, зато открылась карта, на которой – алеоп! – в качестве объектов размещения были указаны Кучино и Саларьево (видимо, принадлежащие данной безымянной компании, как следовало из преамбулы). Упоминалась также лицензия, но без выходных данных, просто в порядке мантры.

Конечно же, я анонимно позвонила этим детям лейтенанта Шмидта по указанному телефону, и узнала, что имя им – Экосистема и Биорем, что они сидят в промзоне Кучино, принимают там строительные отходы, которые далее передают привлекаемым со стороны транспортировщикам, а лицензию я увижу в процессе заключения договора.

Забавно отметить, что все подобные рассылки обещают ни много ни мало, как утилизацию отходов, но при ближайшем рассмотрении оказывается, что ваши отходы повезут на полигон. Теоретически объект по утилизации, сиречь переработке, отходов может находиться и на полигоне, но практически в 99 % случаев такое обещание утилизации – просто дешевый рекламный трюк, от которого его авторам в случае чего легко откреститься, сославшись на слабое знание терминологии.

Возникает масса вопросов. Как «владельцы» двух скандальнейших полигонов всех времен и народов не боятся слать такие вещи «холодной рассылкой»? Ведь неизвестно, в чьи руки она попадет. А вдруг это будет Росприроднадзор, или прокуратура или Роспотребнадзор сообразит, что данная контора рассылает рекламу, содержащую заведомо ложную информацию? Или наша надзорная система уже достигла того абсолютного совершенства, когда все это уже не опасно?

Я верю в божественное провидение. Неслучайно свалилась мне эта реклама именно в тот момент, когда я пыталась письменно выразить глубинные причины нашего с вами недоверия к тому, что делают и что собираются делать в связке «полигоны – МСЗ». Подумайте сами, возможна ли подобная рассылка в стране, где выстроена целостная система если не обращения с отходами, то хотя бы контроля за происходящим в этой сфере? И с другой стороны, возможно ли строить в стране, где такая система не выстроена, столь рискованные объекты, круче которых по безграничным возможностям как потенциальной пользы, так и потенциального вреда разве что атомные электростанции?

На этом я хотела статью и закончить. Но мой работодатель, просмотрев ее, сказал: неплохая статья, вот можешь, когда захочешь; но какая-то она неоконченная. Ты скажи, что делать-то?

Откуда же я знаю, возмутилась я. Ситуация-то тупиковая, о том и речь. Но сама же поняла, что в этом ответе содержится некая доля лукавства: ведь любому понятно, что в жизни не бывает окончательных тупиков. Сколько бы ни агонизировала та или иная умирающая система, в конце концов она разродится новой системой. Что ж, попробую пофантазировать, какой я бы сделала эту систему, будь моя воля. Но не в этот раз, иначе статья станет неприлично длинной. Обещаю в следующем номере материал с названием «Кабы я была царица…».

ЗАКОНОПРОЕКТ ОБ УТИЛИЗАЦИИ ОТХОДОВ I, II КЛАССОВ ОПАСНОСТИ

В Совете Федерации представили законопроект об утилизации отходов I, II классов опасности для окружающей природной среды. К ним относятся приборы и устройства, например лампы, содержащие ртуть, а также аккумуляторные батареи. В России их, как правило, выбрасывают в обычные мусорные контейнеры. Экологи подсчитали, что только вместе с перегоревшими лампами в окружающую среду попадает 10 т ртути ежегодно. Это серьезный ущерб. В Совете Федерации и Минприроды России предлагают строго регламентировать обращение с такими отходами.

«Минприроды с корпорацией Росатом подготовили законопроект, который направлен на построение федеральной системы по обращению с отходами I, II классов опасности, включая создание федеральной схемы обращения с отходами и введение института федерального оператора», – сказал заместитель председателя Комитета СФ по аграрно-продовольственной политике и природопользованию Степан Жиряков.

Из законопроекта следует, что контролировать и регулировать работу оператора по сбору и утилизации особо опасных отходов будет Росатом. Кроме того, планируется создать специальную информационную систему, в которой будут регистрироваться все операции с указанными отходами.

Источник: www.solidwaste.ru